

Прибыв на манеж, Цзян Хань выбрала для нее маленькую белую лошадку с гладкой блестящей гривой и влажными черными глазами, которая выглядела особенно спокойной.

Когда Гу Шэн подошла ближе, лошадка издала звук «гуррр» и спокойно помахала хвостом, словно здороваясь, что было действительно очаровательно.

При посадке конюх опустился на колени рядом с лошастью, ожидая, что Гу Шэн встанет на него, чтобы взобраться в седло.

Стремена были невысокими, и Гу Шэн могла бы легко забраться на лошадь и без подставки.

Но она не хотела выглядеть робкой, поэтому, преодолевая внутренний дискомфорт, подняла ногу и ступила на спину конюха.

Подошвы ее туфель были очень мягкими, и, едва ступив, она почти почувствовала тепло тела конюха. Гу Шэн инстинктивно отдернула ногу, но в конце концов не смогла побороть чувство неловкости.

Она посмотрела вниз на конюха и тихо сказала:

— Встань, я сама смогу.

Конюх поднял лицо; его маленькие глаза смотрели на Гу Шэн с недоумением и тревогой: он думал, что совершил ошибку, и поспешно приподнялся, чтобы сделать спину ровнее.

Гу Шэн: «...»

Рядом Цзян Хань уже ловко вскочила в седло и, увидев сомнения на лице Гу Шэн, поняла ее беспокойство. Она отослала конюха и попросила служанку помочь Гу Шэн.

Езда была безопасной: слуга все время держал поводья, ведя лошадь шагом, чтобы «прогулять» Гу Шэн.

Цзян Хань, сидя на своей лошади рядом, держала лук и усердно учила Гу Шэн, как правильно держать его, как прикладывать силу и как повысить точность.

Гу Шэн уже почти не могла сдерживаться.

Эта ситуация сильно отличалась от ее ожиданий. Разве Цзян Хань не должна была сидеть сзади, обучая ее стрельбе из лука в обнимку?

Даже мелкий негодяй Девятое высочество знал, что при обучении благородных аристократок нужно «держат их за руки»!

Хотя, кроме того, чтобы травмировать руки благородных аристократок, этот метод не приносил пользы.

Но ведь именно так хотели учиться аристократки! Кто же на самом деле хотел учиться верховой езде?!

Когда пришло время прощаться, Цзян Хань проявила легкую неохоту и с грустью в голосе сказала:

— Каждый раз, когда я прощаюсь с мисс А Шэн, я чувствую, что эти редкие моменты встречи,

как бы я ни старалась их ценить, все равно проходят слишком быстро, словно впустую.

Гу Шэн с горькой улыбкой опустила голову, думая про себя: «Ну конечно же, впустую!»

Неудивительно, что Ваше высочество «в таком возрасте» до сих пор без наложниц!

Спустя месяц Гу Шэн была приглашена на празднование дня рождения Девятого высочества.

Это был второй раз в этой жизни, когда Гу Шэн ступала во дворец.

Праздник проходил в Зале Единения, и Гу Шэн вместе с двумя другими учениками, близкими к Девятому высочеству, ждала у Восточных ворот с полудня, чтобы войти во дворец.

Только во второй половине дня, когда все члены императорской семьи и знатные гости собрались, придворный слуга пришел, чтобы проводить их внутрь.

Группа шла, согнувшись, следуя за евнухом.

Пройдя через Восточные ворота, обогнув Павильон Вэньюань, они направились на север, прошли через Врата Цяньцин во внутренние покои и дошли до бокового зала Зала Единения, где Гу Шэн наконец заняла свое место.

Ее ноги уже онемели. Гу Шэн никогда не думала, что поход на банкет будет таким трудным, почти подозревая, что Девятое высочество снова специально издевается над ней.

Но кошмар только начинался.

Заняв место, Гу Шэн услышала объявление евнуха и узнала, что в боковом зале, кроме императрицы и наложниц, все гости были родственниками императорских аристократов, а сам император и аристократы пировали в главном зале.

Проклятое Девятое высочество...

Гу Шэн стояла весь день, надеясь, что Цзян Хань, возможно, подойдет и предложит ей выпить, и от этого на душе стало немного легче.

Но теперь она узнала, что не только Цзян Хань, но даже сама именинница, Цзян Чэньюэ, не появится перед ней!

Она решила, что по возвращении раздавит трехдневный запас сладких пирожных Девятого высочества!

Ради одного банкета, зачем такие мучения...

Прежде чем она успела размять ноющие ноги, евнухи один за другим начали передавать указы из главного зала.

— На колени!

После четкого объявления все гости в боковом зале встали и опустились на колени.

Гу Шэн, конечно же, не была исключением. Преодолевая боль в ногах, с грустным лицом она опустилась на колени, и только спустя полчаса снаружи раздалось:

— Встать!

Все встали, воскликнув «Да здравствует император!», и заняли свои места.

Затем императрица произнесла тосты, и банкет официально начался.

Гу Шэн превратила всю свою обиду в аппетит.

Наевшись, она подняла голову, чтобы осмотреть гостей, обменивающихся тостами, и ее взгляд случайно упал на приближающуюся Восьмую принцессу.

Гу Шэн наконец оживилась: эта поездка оказалась не напрасной.

Следующей весной Восьмая принцесса должна была отправиться в Силлу для заключения брачного союза, и за последний год она не посещала школу, изучая язык и обычаи Силлы во дворце, так что они давно не виделись.

— Шань...

Гу Шэн, взволнованно встав, уже собралась поздороваться, но, взглянув на окружающих, поспешно изменила обращение:

— Шэн приветствует Восьмое высочество.

Восьмая принцесса вела себя гораздо сдержаннее, чем раньше. Она обошла низкий столик, взяла Гу Шэн за руку и с легкой улыбкой сказала:

— Лучше называй меня сестрой Шань.

Служанка принесла стул и поставила его рядом с Гу Шэн, и они сели рядом.

Цзян Юйшань, с глазами, полными грусти, смотрела на Гу Шэн:

— Хорошо, что ты пришла сегодня. В будущем у нас, возможно, больше не будет возможности встретиться.

Пальцы Цзян Юйшань, державшие руку Гу Шэн, слегка побелели, словно безмолвно крича о ее тоске по родине и страхе перед будущим.

Гу Шэн, увидев это, почувствовала, как глаза наполняются слезами, и положила другую руку на руку Цзян Юйшань, открыла рот, но не знала, как утешить.

Этот отъезд был прощанием навсегда.

Гу Шэн молча смотрела на Цзян Юйшань, и спустя долгое время дрожащим голосом произнесла:

— Сестра, пожалуйста, не забывай Шэн. Пока мы помним друг друга, я всегда буду с тобой.

Цзян Юйшань печально кивнула.

Они крепко держали руки, вспоминая прошлые забавные истории, но настроение становилось все более мрачным.

Увидев слезы на глазах Гу Шэн, Цзян Юйшань достала платок, аккуратно вытерла ее слезы и с натянутой улыбкой сказала:

— Давай не будем говорить об этом. Я давно готова к этому отъезду, но...

Гу Шэн поспешно спросила:

— Сестра, у тебя еще есть какие-то заботы?

Цзян Юйшань слегка нахмурила брови и посмотрела в сторону наложниц.

Гу Шэн последовала ее взгляду, и ее глаза остановились на месте справа от императрицы.

Там сидела наложница в роскошном платье цвета лотоса.

Это была красивая женщина, казавшаяся чуть старше двадцати, вероятно, благодаря хорошему уходу, с чертами лица, напоминающими Цзян Юйшань.

Это... наложница Си?

Гу Шэн почувствовала, как сердце сжалось. Эта женщина была той самой, о которой в прошлой жизни ходили слухи, что она «нарушила этикет» перед Цзян Чэньюэ и была сослана в холодный дворец.

Гу Шэн на мгновение оцепенела, глядя на наложницу Си, и задумалась.

— Просто беспокоюсь о том, что она останется одна...

Голос Цзян Юйшань звучал так печально, что сердце Гу Шэн сжалось.

Она поспешно обернулась и утешила:

— Сестра, не беспокойся, наложница Си...

В голове Гу Шэн проносились трагические события будущего наложницы Си, и она не могла даже сказать утешительную ложь, глядя на Цзян Юйшань, но не находя слов.

Цзян Юйшань вздохнула:

— У нее только я одна дочь, и в будущем у нее не будет опоры. Она всегда относилась к А Девятое как к родному ребенку, и я надеюсь, что А Девятое будет помнить ее доброту и после моего отъезда не забудет навещать ее.

Гу Шэн смотрела на Цзян Юйшань, и через некоторое время с трудом произнесла:

— Обязательно, Девятое высочество обязательно позаботится о ней.

Цзян Юйшань кивнула, беспокоясь:

— В последнее время я часто напоминаю А Девятое об этом, но она еще молода, и я надеюсь, что ты будешь рядом, чтобы напоминать ей.

Гу Шэн нахмурилась, чувствуя тяжесть на груди, но не могла выразить свои чувства, только кивнула Цзян Юйшань.

Хотя она и не верила в эти абсурдные слухи, наложница Си действительно пострадала из-за близости к Девятому высочеству.

Если она действительно хотела заботиться о матери Цзян Юйшань, ей следовало бы посоветовать Девятому высочеству держаться подальше от наложницы Си.

Гу Шэн начала запутываться в мыслях. Они немного поговорили, как вдруг снаружи раздался голос глашатая, заглушенный шумом в зале, и невозможно было разобрать слова.

Кажется, она услышала слова «Вторая принцесса», и Гу Шэн инстинктивно подняла глаза к двери.

Там стояла Цзян Хань в императорской одежде, с аккуратно собранными волосами, увенчанной золотой короной с двумя драконами, сияя великолепием, и с бокалом в руке.

<http://bllate.org/book/16655/1526596>